

Я сказала: «Что касается А-Ян, то и Сун Фою, и Вэй Хуань уже не раз высказывали свои замечания. В тот день, когда я отчитала А-Ян за её слова, она притворилась больной, а на деле хотела, чтобы я лично пришла в Дворец Етин и пригласила её, и только тогда согласилась бы вернуться к обязанностям. Это — высокомерие и попытка манипулировать мной, используя старые заслуги. Мои сопровождающие, попадая во дворец, часто получали подарки, и многие из тех даров расхищались. Хотя это и входило в обязанности слуг, А-Ян слишком часто закрывала на это глаза. Моё имущество, хранящееся в кладовых, постоянно оказывалось в недостатке. В прошлом году я уже поручала Вэй Хуань провести проверку, но позже, уступив обстоятельствам, снова доверила управление А-Ян. Тогда она и принялась воровать, пользуясь своим положением. Я уже заметила неладное, но А-Ян служит мне с самого рождения: у неё есть заслуги в моём воспитании и многолетний опыт, многие дела велись через её руки. Резко отстранить её — значит посеять смятение среди людей. Поэтому я не решилась на крутые меры, а лишь выдвинула Вэй Хуань, чтобы создать противовес. Однако Вэй Хуань молода и не имеет веса, чтобы внушить почтение, вот мне и приходится быть с ней покороче, чтобы усилить её авторитет».

Матушка посмотрела на меня искоса. Раз уж я зашла так далеко, оставалось только продолжать: «Я была глупа. Я думала, что раз муж и сын А-Ян занимают посты, да и она сама была моей нянькой, то для неё я — и госпожа, и дитя. Сун Фою — человек из окружения матушки, к тому же праведница. В важных делах я должна её слушать, но в некоторых мелочах неудобно её беспокоить. Лишь Вэй Хуань, не имеющая ни знатного рода, ни выдающихся заслуг, попала во дворец благодаря счастливому случаю, и вся её судьба зависит от меня. Потому-то ею и удобно было пользоваться, и я стала с ней ближе. Я думала лишь о своём удобстве и забыла о принципах самосовершенствования и удаления от негодяев. В этом моя великая вина, и я вверяю себя суду матушки». С этими словами я снова опустила голову, готовясь в случае нужды удариться лбом о землю. К счастью, матушка больше не гневалась. Она лишь подняла меня за плечо, заставив выпрямиться.

Гнев на её лице уже растаял, и теперь в нём читалось нечто среднее между одобрением и сожалением. Она медленно провела рукой по моей щеке. Движение её руки было плавным, а взгляд — неотрывным и пристальным, но не злым, а скорее задумчивым. Спустя долгое время матушка наконец произнесла: «В такие юные годы — какие же у тебя могут быть дела, которые нельзя поручить Сун Фою?»

Я опешила, не понимая, к чему этот неожиданный вопрос. Он был слишком личным, и я не знала, как отвечать. Помявшись, я пробормотала: «Пустяки, ничего важного». Под её взглядом пришлось выдать полуправду: «Это... девичьи дела».

Матушка задумалась, затем, отряхнув рукава, поднялась и бесстрастно сказала: «Запомни же те слова, что ты сейчас произнесла». Тут же она достала из рукава свиток и бросила его передо мной. Я развернула его и увидела документы из Дворца Етин: подробное описание дел о кражах и продаже имущества — как всё началось, кто донёс, кто вёл допросы, а также показания, списки имущества и замешанные лица. В конце свитка стояла подпись не начальника Етина, а: «С глубочайшим почтением, генерал Левая гвардия Цзинью, Цю Шэньци».

Матушка уже сошла с паланкина и направлялась к сцене для «ста игр». Я поспешно сунула свиток в рукав и бросилась вслед. Ветер дул в спину, и я почувствовала, как за краткое время пот успел насквозь промочить мою одежду.

Отец давно страдал от болезни суставов, а недавно подхватил ещё и простуду, потому не любил шума и толкотни. Поэтому вечерний пир был лишь для нашей семьи впятером, а музыка — не

громкой, всего несколько новых мелодий из Цзяофан, зато изысканных. Остальные четверо наслаждались ими, а у меня не было даже настроения для ужина. Посидев немного, я сослалась на недомогание и попросила удалиться. Ли Шэн с беспокойством спросил: «Сердце снова беспокоит?»

Отец не знал о событиях дня и стал расспрашивать Ли Шэна. Пока тот объяснял, я украдкой взглянула на матушку. Она просто пила вино, не вмешиваясь, и я поняла, что она уже в курсе моих дневных дел. От волнения сердце и вправду закололо, а в руке, сжимавшей бокал для вида, дрогнуло, и вино пролилось на одежду. Боясь вызвать лишнюю суету, я поспешила взять себя в руки и с натянутой улыбкой сказала: «Сыцзы не выдерживает вина, а потому просит разрешения удалиться». Поднимаясь, я увидела, что матушка тоже встала. Она посмотрела на меня, затем, помедлив, нахмурилась и сказала: «Ваньэр, проводи Сыцзы обратно и позови лекаря осмотреть её».

Ваньэр вышла вперёд и, используя матушкин паланкин, отправилась со мной. С начала года дел было много, и лишь сегодня у нас выдалась возможность побыть наедине. Я подмигнула ей, подозвала к паланкину и сказала: «Сегодня ты мне очень помогла. Кстати, в прошлый раз в округе Жу ты тоже оказала мне поддержку, но я так и не нашла способа отблагодарить тебя».

Ваньэр ответила: «Я лишь исполняла долг подданной, это нельзя назвать помощью».

Почувствовав, что её намерения дошли до меня, я больше не настаивала и позволила ей проводить меня. У входа меня встретила Сун Фою. Я спросила: «А где Вэй Хуань?» Сун Фою слегка удивилась и ответила: «Поскольку госпожа, как я слышала, не желает её видеть, я отправила её управлять кладовыми».

Внутри меня всё закипело от нетерпения, но внешне я оставалась учтивой: «Пожалуйста, позовите Вэй Хуань». Раньше, вызывая Вэй Хуань наедине, я никогда не использовала слово «позвать», и Сун Фою это знала. Она взглянула на меня, затем вышла, и вскоре появилась Вэй Хуань. Она была почтительнее, чем когда-либо прилюдно: приблизилась ко мне на коленях и произнесла: «Низшая из клана Вэй приветствует принцессу».

Это обращение ранило меня в самое сердце. Я уже было хотела поднять её, но рука, потянувшаяся вперёд, наткнулась на свиток в рукаве и остановилась. Я позвала Сун Фою, приказала закрыть двери, и в комнате остались лишь мы трое.

Пока я молчала, они обе продолжали стоять на коленях, не двигаясь и не издавая ни звука, даже дышали едва слышно. В комнате воцарилась гробовая тишина.

Я медленно вытащила свиток, развернула его и бросила перед Сун Фою: «А-Ян вместе с несколькими служанками воровала дворцовое имущество и тайно продавала пожалованные вещи. Ты уже знаешь об этом, не так ли?»

Сун Фою склонилась в поклоне: «Ваше Величество уже изволила уведомить меня об этом. Виновные задержаны гвардией Цзиньбу и помещены в тюрьму Дворца Етин, ожидая распоряжений Вашего Величества. Мне поручено строго проверить поведение остальных и ужесточить правила, дабы подобное не повторилось».

Я взглянула на неё: «Как ты собираешься это сделать?»

Сун Фою ответила: «Для дел в этих покоях принцесса уже установила правила. Я буду действовать в соответствии с ними».

Я промычала в ответ, нарочно выдержав паузу, прежде чем спросить: «Вэй Хуань, а ты что скажешь?»

Вэй Хуань тоже склонилась в поклоне. Она припала так низко, что я видела лишь её затылок, а темя было скрыто. Для неё в этом была и польза, и вред. Польза — можно скрыть почти все свои чувства. Вред — она ставит себя в крайне униженное положение, где я могу бить её, ругать или даже зарубить, а она не сможет защититься. При этом я могу судить о её настроении по её позе и реакции окружающих, сохраняя при этом высокомерное достоинство, а она от меня ничего не получает — ни выражения лица, ни уважения. Даже если я сейчас сяду, широко расставив ноги, она этого не увидит. Изобретатель этого этикета был гениален: одним простым жестом он провёл чёткую границу между господином и подданным, верхом и низом. С тех пор отношения между людьми перестали быть простой симпатией или антипатией, а превратились в ситуацию, где ты высчитываешь меня, а я — тебя. Господин — господин, подданный — подданный. Какая же идиллия.

«Слова госпожи Сун совершенно справедливы». Таков был ответ Вэй Хуань. Всего семь слов, лишённых всякого чувства, но они лишь усилили моё раздражение. Я шагнула вперёд, присела перед ней и приказала: «Посмотри на меня».

Вэй Хуань не подняла головы сразу. Я схватила её за подбородок и заставила взглянуть вверх. Она вначале сопротивлялась, но вдруг отпустила напряжение, и её голова резко дёрнулась, а затем вновь опустилась, а глаза устремились на меня, совершенно бесстрастные.

В её глазах я увидела своё отражение. Мне не нужно было притворяться — на моём лице уже читалась незнакомая мне саму свирепость. Однако взгляд Вэй Хуань был ещё яростнее, словно у раненого зверя. Я невольно сжала сильнее, и на её подбородке проступили красные следы от моих пальцев, но она, казалось, ничего не чувствовала — не вскрикнула от боли, и даже во взгляде её не было и тени покорности.

Мы простояли так долго, пока Сун Фою не пошевелилась и не произнесла тихо: «Принцесса, Вэй Хуань — не служанка».

<http://bllate.org/book/16278/1466189>